

Алексей Капралов

Счастливый Я!

18+

Алексей Капралов

Счастливый Я!

<https://litres.ru/74196178>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Счастливый Я!» — автобиографический роман о взрослении, утрате и исцелении.

Автор проводит читателя через советское детство, суровые девяностые и хаос взрослой жизни, где любовь соседствует с изменой, а поиск духовности — с падением.

Это исповедь мужчины, который выжил в эпохе без правил и нашёл дорогу к Свету.

Сочетание документальной честности, уличной поэтики и философской глубины делает книгу живой, пронзительной и человеческой.

Каждая глава — как откровение, после которого хочется помолчать и жить по-другому.

Содержание

Введение	4
Предки	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Алексей Капралов

Счастливый Я!

Введение

Здравствуй, мой незнакомый читатель!

У тебя в руках не книга, а бумажная капсула времени, наполненная воспоминаниями: из коммунальных квартир, криминальных эпох, кирзовых сапог, семейных драм и экзотического коллекционного опыта. Прочитав семьдесят одну тысячу двести семь слов, можно стать мудрее на целых полвека. Если же ты — один из тех хитрых читателей, кто в детстве любил утолять жажду любопытства, подслушивая соседей через стакан у стенки, а теперь заглядываешь книжкам под обложку с твёрдых сторон в полной уверенности, что за две страницы поймёшь всю глубину напечатанной жизни Я упрощу жизнь твоему меридиану любознательности: с иной стороны книги будет другой человек.

В твоих красивых руках — мемуары, чёрно-белая разделительная полоса, между теми, кто уже истратился временем, и у кого ещё всё впереди.

Мемуары — это что-то настолько интимное, что можно читать и голым, забравшись под плед. Мемуары можно проживать и в тени пляжного зонтика, и в бетонной тиши-

не квартиры. Читателю лишь необходимо установить приятное для глаз освещение. Подойдёт свободный вечер или солнечный свет. Мемуары — это про безопасность в пути по непредсказуемой жизни такого же человека. Читай — гид по судьбе.

— Открой девятую страницу — и узнаешь, как начиналась маленькая жизнь в большой коммунальной среде.

— После школы я поступил гвардейцем в Ореховский ОПГ

— 26.12.1991 — время желанных перемен

— ДМБ 95—97

— Шри- Ланка 2020—2025

— COVID-19

— Цигун

— Эпилог

Мемуары — это искренний друг, а не исторический справочник. Нет, нет и нет! Не думай, что это просто интрижка на два часа с книжкой. Мемуары — печатная машина времени, полная зависимых от читателя героев.

Эти персонажи ждут дружелюбного водителя и хотят воскресения в чёрно- белом прошлом, чтобы ещё раз влюбиться, прожить пороки, сделать олл-ин и проиграть, навсегда высказать своё мнение, родиться вновь не напрасно, но с пользой! Преподнести дары истраченного времени, словно хлеб с солью — каждому читателю. Каравай можно съесть целиком, но лучше растягивать удовольствие, вкушая кусоч-

ки. Он не испортится, а с годами станет только полезнее.

Какие бы технологии ни ждали через сто лет, чувства, за-трагиваемые в мемуарах, останутся неизменными. Поменяются социальные устои, международные отношения, религиозные ориентиры. Люди по-прежнему продолжают рождаться из женщин, молчаливая любовь которых безустанно хранит своих чад. Между близкими во все времена так и будет невыраженное, несказанное, непростое. С каждой новой прочитанной историей вырастает всезнающая голова.

Мемуарами хочу подтолкнуть тебя: аккуратно положить меня на стол, обнять ребёнка или позвонить родителям, позволить себе быть собой, ведь когда-то, надеюсь, очень нескоро, и ты тоже станешь историей за металлической оградкой, зашифрованной шестнадцатью цифрами в граните. Ни одного телефонного звонка, сердечного слова, неожиданного комплимента, тепла, благодарности, — ничего не пропускает полутораметровый слой земли.

В мемуарах я использую параллельный приём повествования сокращённых пятидесяти лет: «как так вышло — почему это прошло». Сразу скажу так: мои буквы не имеют обвинительного оттенка. Я вдыхаю окружающий влажный воздух и выражаю благодарность за все случившиеся события каждой прочитанной тобой строкой.

Известные всякому интеллигенту матерные выражения, ценя труд и двадцатилетние усилия Даля Владимира Ивановича, я перестал использовать в изменившейся жизни, и

скабрёзные слова в тексте заменил на фантазию любителей книг выражением «з@пятая». Осторожно! При чтении уголки твоих губ будут периодически стремиться вверх, из-за чего на лице возможны обаятельные мимические морщины.

Зарубежные валюты, озвученные в тексте, стремятся показать читателю влияние доллара в мире на умы людей, и не привязаны к реальному курсу. Если убрать страну-производителя, цена обернётся в американский доллар.

В мемуарах я немного отойду от исключительно физического понимания времени, опираясь на личный пример. Коснусь техник и практик, которые помогли снять с моей жизни ожог четвёртой степени, а затем и гармонично настроить радугу в оба конца с близкими людьми. И мне бы никогда не прийти к такому солнечному качеству жизни, если бы я не коснулся дна печали, где в мутном омуте чувств, разглядел одинокий финиш в непрекращающейся гонке за тысячами тысяч долларов. Неизвестный человек из видеороликов в Ютуб познакомил меня с гимнастическими дыхательными практиками. Спустя два года изучения я уже сам преподаю технику — цигун.

QR-талон на бесплатный телеграм-канал с полезными упражнениями, татуировкой вбит в последнюю крышку бумажной версии книги. В былинные времена никто, кроме бога, не мог прочесть судьбу человека. Теперь ты — мой Бог на этих страницах.

Предки

Деды

Поколение моих родителей (беби-бумеры) выросло в послевоенных семьях, где кто-нибудь из родни обязательно воевал. В советское время это была банальная норма. Выигранную у войны жизнь оправдывать ежедневно водкой — везде, много, всегда — считалось обычным трудовым подвигом. Самогон — в каждый дом. В такой вот Смоленской обыденности горячо любимая матушка Вера вытерпела четырнадцать лет, а затем отправилась покорять областной центр.

С раннего детства будущую маму некорректно воспитывал старший брат Дима. Ему пришлось взять на себя роль мужчины, потому что мой дед погиб от мучивших тело военных ранений, когда нежной маме только исполнилось шесть лет. Дед Дементий, не оставив ни внимания, ни заботы, передал детям на память полную коробку военных орденов, медалей и бесконечный чернозём.

Колхозная жизнь перепугала смелую маму — отсутствием благ, безразличие матери только укрепило, а братская опека — подтолкнули учиться в Смоленске, по призванию всей нашей семьи — на повара. И эта студентка так вкусно солила и перчила учебную еду, что её, в числе немногих, отправили практиканткой на судьбоносное предприятие в Москву.

«В заводской столовой, на раздаче тарелок, я встретил

вашу маму с деревянным чемоданом в руке» — частенько любил повторять батя. Вера Дементьевна после переезда в столицу прекратила поддерживать с мамой и братом тёплую связь, оставляя между семьёй только стандартные телеграммы в причитающиеся праздники.

Мой папа, Михаил Павлович, был москвич до седьмого колена. Я видел его худым только на фотографиях. Сначала на кухню заходил его живот, потом сам батя. Ему даже прозвище шло — «Пупок». Отец моего отца, Павел Егорыч, работал трактористом в Москве, и когда началась Великая Отечественная вой на, без джойстиков и пивка, сразу стал управлять танком, контуженным, доехал до столицы Германии и вернулся восстанавливать разрушенное. Благодаря этому я до сих пор думаю и живу по-русски: «Поклон деду за Победу!» Павел Егорыч после всего пройденного нормально жить уже не смог и регулярно прикладывался к горлышку бутылки, вспоминая свои военные дни, а когда умер, моя бабушка Валя открыто переняла эту смертельную эстафету. За матерью последовал и первый сын — Валера. Батя был средним.

Младший брат, Андрей, также не хотел терпеть уверенно спивающуюся мать и брата-алкоголика, и в неполные шестнадцать лет убежал — до воинского призыва — к нам, в девятиметровую коммунальную комнату, пятым членом семьи в красном раздвижном кресле.

В начале отношений Михаил Павлович и Вера Дементьевна поселились на два года в бабушкину московскую трёхком-

натную квартиру. Обстановка в отцовском роду была нездоровой, и, может, поэтому я вышел на свет недоношенный и хилый. Мне уже не узнать, почему батя разорвал все отношения с матерью и даже не пошёл на её похороны. Связь с женским родом была полностью обрезана в новой семье с двух сторон, но тогда я в этом ничего «не понимаю».

До полутора лет вместо вкусного бюста я питался полезными капельницами. Доктора залечивали мне уши, а надо бы двустороннее воспаление лёгких. И неразборчивым медицинским почерком мне было суждено зачихнуть, так и не натворив дел, если бы мудрая мама не нашла бабушку-шептальку — царствие ей небесное! Та через плечо на меня поплевала, в водичку со жжёными спичками пошептала, перекрестила, и Алёша стал воскресать. Санаторная путёвка от завода, где отец оставил двадцать лет жизни, помогла попасть в Адлер и стала приятным бонусом для полной семейной реабилитации.

По возвращении с юга родители переехали в пятиэтажный дом для работников ЛЛМЗ (Люблинский литейно-механический завод). В этом коммунальном «человейнике» до шестнадцати лет происходил мой рассвет сил, и не все близкие люди из участников описанных событий дотянули до прочтения сих строк. Земля вам всем пухом, друзья!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.